

Субъективация объекта в стихотворениях-молитвах XX в.

О. П. Касимова, Г. Ф. Хуснутдинова*

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

**Email: greenguzel22@gmail.com*

В статье рассмотрено явление субъективации объекта на примере вторичных текстах молитв. Литературные молитвы в XX в. являются плодами художественной «модернизации» популярного жанра. Это явление в статье непосредственно соотнесено с фидеистическим мировоззрением, формирующим языковую картину мира человека. Неодушевленные субъекты стихотворных молитв становятся символом человеческих переживаний и имеют имитирующий характер. С помощью олицетворения наиболее эффективно происходит передача автором той или иной имплицитной семантики.

Ключевые слова: молитва, поэзия, субъективация объекта.

Молитва, как древний речевой жанр, основанный на диалогической коммуникации, корнями своими уходит в далекое прошлое, в древнейшие времена. Изначально данный жанр был неотъемлемой частью жизни человека в рамках языческой веры. Его появление было обусловлено самой человеческой натурой, тяготящейся к фидеистическому мировоззрению. Силы природы представлялись человеку сверхъестественными. Осмысление человеком субъектно-объектных отношений создало основания для появления субъективации объекта и объективации субъекта, проявляющиеся на всех уровнях языковой структуры. Эти два явления формировали когнитивный уровень человека, его картину мира. Однако стоит отметить, что субъективация объекта получала реализацию в сознании человека в первую очередь. Человек видел мир сквозь призму своего восприятия, основанного на перенесении своих свойств и ощущений на окружающий мир. Поэтому свое «природное окружение» он старался представить в привычном для него человеческом образе, наделить человеческими чертами, очеловечить [4]. Таким образом, сверхъестественное, чуждое, могло найти свое толкование в сознании человека на основе уподобления. Например, небо «хмурится», потому что его разозлили, и значит, будет дождь. «Одушевленность» неживых объектов, грамматически оформленная, сохранилась в русском языке: *дождь идет, ручей бежит, болезнь отступает* и т. д.

На когнитивную основу олицетворения не раз обращали внимание лингвисты. Онтологической основой для него служат особенности нашего восприятия и мышления. Например, П. Д. Успенский определил особенность нашего восприятия как возможность видеть огромное количество несуществующих движений: «Дома, мимо которых мы тихо едем, медленно поворачиваются; если мы едем быстро, они тоже поворачи-

ваются быстро; деревья неожиданно вырастают перед нами, бегут и исчезают. Эта кажущаяся одушевленность предметов вместе со сновидениями давала и дает главную пищу сказочной фантазии» [6, с. 70]. Сенсорно-понятийная база развернутой метафоры заложена в нашем мышлении и проецируется на язык. Так, Г. А. Золотова считает, что «фигура говорящего/наблюдателя с ее меняющейся пространственно-временной позицией, способами познания и коммуникативными намерениями, с богатством оценок и реакций, освещает внутренний мир текста и одушевляет грамматику. Поиски очеловеченного представления языковой системы, раздвигая границы грамматической компетенции, подводят более аргументированную лингвистическую базу под филологические исследования и поднимают грамматику на уровень современных гуманитарных задач, способствуя «раскрытию того духовного мира, который скрывается за словом» (Л. В. Щерба)» [2, с. 113].

Таким образом, антропоморфизм является неотъемлемой частью человеческой картины мира. Субъективизация объекта осуществляется в рамках художественного дискурса через ее персонификацию. Олицетворение как средство персонификации является важной частью художественного дискурса, в пределах которого и происходит наиболее плодотворное функционирование данного явления. В основе олицетворения лежит прием уподобления человеку предметов неодушевленной природы, поэтому и наиболее эффективно происходит передача автором той или иной имплицитной семантики, содержание которой он стремится передать. Например, *смолкает память* (Л. А. Алексеев «Молитва»), *рос недуг, ... главы в столе уснут* (Д. Л. Андреев. «Когда-то раньше, в расцвете сил...»), *[Воля] скрылась из дому в ночь непроглядную* (А. А. Баркова. «Воронье»), *безжалостный гранит, мрак ползет* (Е. Н. Рачинская. «Молитва»).

Литературная молитва активно стала развиваться в XIX в. [3]. Этот уникальный феномен, находящийся на стыке языка религии и языка литературы, с течением времени все больше стал функционировать по законам поэзии, грани между традиционным поэтическим произведением и молитвой стали размываться. Особенно активно данные изменения начинают наблюдаться в XX в. В это время происходит смена традиционных представлений о стихотворной молитве. Рождение смелых новаций в литературе не могло не отразиться и на данной жанровой форме. Поэты стремятся по-новому использовать его возможности, меняют угол зрения на традиционную форму.

Примером такой «модернизации» жанра стихотворной молитвы в рамках художественного дискурса могут служить стихотворения М. И. Цветаевой «Молитва лодки» и В. И. Горянского «Молитва улицы», в которых мы можем условно выделить двойную стилизацию.

Во-первых, оба стихотворения имеют религиозный компонент, характерный для литературной молитвы. Наличие религиозного компонента нам сообщают различные средства:

- номинация произведения содержит лексему молитва, что ознаменовывает собой наличие явления авторефлексии-экспликации;
- интенция на диалог с трансцендентной сущностью, которая на уровне синтаксиса проявляется через обращение;
- субъективность определяется через уточняющие и обособленные обороты.

Во-вторых, субъект речи представляет собой предмет неодушевленной природы и реальный диалог с трансцендентной сущностью от его лица невозможен. Таким образом, наблюдаемая персонификация неодушевленного предмета несет в себе имитирующий характер. Подобное явление дает основание для выделения еще одной стилизации в дополнение к уже имеющейся.

Подробнее рассмотрим один из примеров этой поэтической стилизации. «Молитва лодки» М. И. Цветаевой (1906–1912 гг.) представляет собой просительный вид молитвы и содержит в себе защитную композиционную просьбу. Фактически лирический субъект, которым в тексте является персонифицированный неодушевленный предмет – лодка, просит у трансцендентной сущности спокойного возвращения в место пребывания. Подтверждение находим в тексте: *Мирно приплыть повели*. Лексема *мирно* употреблена в значении спокойно, т. е. не подвергаясь любым проявлениям враждебности (природные стихии, разбойники и т. д.). Таким образом, реализуется условно выделенная нами как семантическое поле защитная композиционная **просьба**, предполагающая интенцию субъекта на «ограждение» от внешних врагов, проблем. Молитвенная стилизация осуществляется благодаря явлению авторефлексии-экспликации («Молитва лодки»), интенции на диалог с трансцендентной сущностью, наличие императивной глагольной формы в связке с инфинитивом *приплыть повели*. Также стоит отметить, что трансцендентная сущность представлена в тексте в нескольких номинациях: **Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий**.

Второй уровень стилизации, основанный на имитации обращения к трансцендентной сущности от лица неодушевленного предмета – лодки, реализуется как в номинации «**Молитва лодки**» и уточняющей конструкции (*Мне, утомленной и маленькой лодке, / Мирно приплыть повели*), указывающей на субъект речи, так и в использовании многочисленных олицетворений (*отдыхают корабли, утомленная лодка, грустят корабли*).

В «Молитве лодки» М. И. Цветаевой можно также выделить семантическое поле «**спокойствие**», которое реализуется лексемами *тихий* (в значении спокойный) [5, с. 799], *мирно* (в значении спокойно) [5, с. 358], *отдыхают* (в значении пребывания в состоянии покоя) [5, с. 470], *зыблются* арх.=> колеблются (медленно, спокойно двигаются) [5, с. 234], некоторые из них повторяются дважды. Таким образом, 20% лексем из 35 слов стихотворения реализуют эту сему, делая ее смысловой доминантой произведения.

Мы видим, что молитва как основа стилизации своего литературного аналога имеет богатую историю (как и субъективация объекта), корнями своими уходящую в языческие времена, во времена бытования так называемого нетеистического пласта, для которого было характерным поклонение нескольким богам, одушевление окружающего мира, вера в родственную связь с определенным животным или растением и обожествление его, культ неодушевленных предметов [1, с. 611]. Литературные молитвы так называемой двойной стилизации, которые начинают создавать поэты преимущественно в XX в., являются плодами художественной «модернизации» популярного жанра, но в то же время они имеют связь с древними молитвами.

Литература

1. Аверинцев С. С. Язычество // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. Энциклопедия, 1970. С. 611.
2. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке//Русский язык в научном освещении. №1. М., 2001. С. 107–113.
3. Касымова О. П., Хуснутдинова Г. Ф. Русские поэтические молитвы//Славянские чтения – 2017. Сб. мат-ов Междунар. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 16–18 мая 2017 г. / отв. ред. Л. В. Климина. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. С.176–180.
4. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство "Азъ", 1992. 944 с.
6. Успенский П. Д. Tertium organum. Ключ к загадкам мира / Ред. Бреславец А. И. СПб.: Андреев и сыновья. 1992. 242 с.

Статья рекомендована к печати кафедрой теории языка и методики его преподавания БашГУ
(канд. педагог. наук, доц. А. М. Ямалетдинова).

The subjectivation of the object in the poem-prayers of the XX century

O. P. Kasymova, G. F. Khusnutdinova*

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

**Email: greenguzel22@gmail.com*

The article deals with the phenomenon of subjectivity of the object on the example of secondary texts of prayers. Literary prayer in the twentieth century are the fruits of artistic “modernization” of the popular genre. In the article this phenomenon is directly correlated with fideism that generates the language picture of the world of man. Inanimate subjects of poetic prayers become a symbol of human experiences and have imitating character. By impersonating the most effective transfer of a particular implicit semantics occurs by the author.

Keywords: prayer, poetry, subjectivity of the object.